

Маленькая деревянная дверь отгородила его от внешнего мира, но не смогла унять странное, ледяное чувство стеснения в груди.

Тань Юньхан прислонился спиной к дверному полотну и медленно сполз на пол. В комнате царил полумрак, лишь пылинки беззвучно танцевали в редких лучах света, пробивающихся сквозь щели.

Он разжал ладонь. На кончиках пальцев остался след от растертой травы — тусклый, горьковатый зеленый цвет, а терпкий аромат, исходящий от него, сейчас казался особенно резким.

— Хозяин, хозяин, вы в порядке? Сердцебиение участилось, уровень адреналина растет. Ого, какой пик эмоций! Это гнев или та самая легендарная ревность? — голос 007 звучал с преувеличенным изумлением и едва уловимой тревогой, отчего в его непривычно тихой голове стало совсем шумно.

Тань Юньхан не ответил. Он лишь смотрел на свои пальцы, пытаясь, как обычно, все проанализировать.

Почему это алое платье так резало глаз? Что означало поведение Линь Фэна — раздраженное, но не применившее грубой силы?

Что это за ледяной ком в груди, из-за которого мысли стали вязкими?

Сигнал о серьезном отклонении от плана? Оценка риска, что цель задания ускользает? Тревога из-за возможного провала инвестиции?

Потоки данных пытались хлынуть в сознание, но раз за разом разбивались о холодное оцепенение.

Нет.

Не только это.

Это было нечто более первобытное, неконтролируемое отторжение.

Отторжение того, что яркие, чужие краски посмели приблизиться к выбранной им цели.

Отторжение того, что эти заплаканные глаза смотрели на его тщательно выверенный, почти завершенный шедевр.

Отторжение того, что Линь Фэн в пылу этой размолвки нашел в себе силы заметить его и смутиться.

Почему он смутился? Из чувства вины? Из-за того, что был застигнут врасплох в момент препирательств с бывшей возлюбленной?

Эти мысли, подобно лианам, обвивали его четко работающий мозг, замедляя все процессы.

Вся его жизнь, прожитая за двадцать семь лет, была похожа на холодную бухгалтерскую книгу, исписанную цифрами и логическими выкладками.

Чувства были избыточными, неэффективными переменными риска, требующими строгого контроля. Он мастерски составлял планы и достигал целей самыми точными методами, но

никто никогда не учил его, как проводить дезинфекцию, когда систему поражает вирус под названием ревность.

Он ощущал невиданную доселе беспомощность. Даже на тех переговорах, когда противник обрушил на него град нелогичных эмоций, он чувствовал себя увереннее.

Та миска каши могла залатать трещину, возникшую из-за его ошибки. Те серьги могли поддержать образ холодного и загадочного человека.

Но что делать сейчас? Как исправить этот сбой, вызванный кем-то другим, но спровоцировавший хаос в его собственной системе?

Он не знал.

Он лишь машинально сжал пальцы, крепко зажимая в ладони горькую зелень.

Тем временем Линь Фэн взорвался в ту же секунду, как фигура Тань Юньхана скрылась из виду.

Он резко обернулся к Чжао Линэр, которая, побледнев, пыталась подняться с земли и что-то сказать. Его взгляд был холодным, как закаленная сталь, а терпение и всякая сдержанность испарились.

— Чжао Линэр, — голос его звучал низко и опасно, с нескрываемым давлением воина четвертой ступени закалки тела. — Лишь из уважения к нашей бывшей помолвке я даю тебе последний шанс сохранить лицо. Сейчас же, немедленно, исчезни с моих глаз. Иначе я не побрезгую самолично доставить тебя в семью Чжао, чтобы все увидели, как их дочь преследует того, кого сама же когда-то бросила!

Чжао Линэр задрожала от нескрываемого отвращения и жестокости в его глазах, и все слова оправданий застряли у нее в горле.

Она наконец осознала, что стоящий перед ней Линь Фэн — уже не тот юноша, который полгода назад улыбался ей с такой теплотой.

Раскаяние, стыд и страх захлестнули ее. Не в силах вымолвить ни слова, она закрыла лицо руками и, рыдая, в смятении убежала.

Линь Фэн даже не взглянул ей вслед. Все его внимание было сосредоточено на пустой тропинке.

Младший брат Тань, он наверняка все не так понял! Что подумает такой человек, как он, увидев эту сцену?

При мысли о последнем взгляде Тань Юньхана — ледяном, спокойном, лишенном всяких эмоций — Линь Фэн ощутил удушливую панику. Это пугало его куда больше, чем любые упреки или крики.

Не раздумывая, он бросился в сторону домика Тань Юньхана!

Он должен все объяснить! Сейчас же! Немедленно!

Однако, добежав до плотно закрытой деревянной двери, он замер в нерешительности.

Объяснить? Как? Сказать, что его преследовала бывшая невеста? Что он не хотел этого, и что теперь в сердце Линь Фэна живет другой человек?

Другой человек, чей пол — мужской, чья личность окутана тайной, который оказал ему огромную милость, но остается холодным и отстраненным, словно ледяная гора?

Как произнести такое вслух?

Огромное смятение и неловкость охватили юношу, который только что совершил прорыв и должен был чувствовать себя на вершине успеха.

Он ходил взад-вперед у порога, сжимая и разжимая кулаки, на лбу выступил пот.

Наконец, глубоко вздохнув, он словно принял решение. Он не стал стучать, а развернулся и быстро побежал к задним горам.

Тань Юньхан не знал, сколько просидел за дверью. Лишь когда ноги окончательно онемели, он медленно поднялся.

Сок на ладони высох, оставив лишь слабый след и стойкий горький запах.

Он подошел к баку с водой, зачерпнул холодной влаги и начал раз за разом тереть ладони, пока кожа не покраснела и запах не исчез окончательно.

Затем он принялся за обычную уборку своей скромной обители. Движения были безупречными, даже более усердными, чем обычно, словно он хотел с помощью этого механического труда изгнать из себя все хаотичные и неподконтрольные чувства.

Именно в тот момент, когда он в третий раз протирал и без того чистый старый деревянный стол —

— Тук, тук-тук.

Раздался крайне тихий, даже осторожный стук.

Тань Юньхан замер, его тело слегка напряглось.

За дверью послышался голос Линь Фэна — не такой ясный, как обычно, а сухой и нервно хриплый:

— Младший брат Тань, это я, Линь Фэн.

Тань Юньхан не пошевелился и не ответил. Лишь пальцы, сжимавшие тряпку, невольно напряглись.

За дверью воцарилась тишина, от отсутствия ответа Линь Фэн, похоже, занервничал еще

больше. Затем он снова заговорил, торопясь, словно боясь, что его прервут:

— Я... я собрал немного свежих плодов алого кристалла на южном склоне гор. Они очень сладкие и полны духовной энергии, может быть... может, они тебе пригодятся?

Плоды алого кристалла? Низкоранговый духовный фрукт, полезный для укрепления основы культивации. Обычно растет на отвесных скалах, добыть их непросто.

Взгляд Тань Юньхана медленно переместился к двери.

— И еще, та девушка... это была Чжао Линэр из семьи Чжао, — голос за дверью стал еще более напряженным, но Линь Фэн старался говорить четко. — Она пришла преследовать меня, но у меня с ней давно нет ничего общего! Я... я прогнал ее! Между нами больше нет никакой связи!

Он замолчал, и снаружи снова воцарилась тишина. Только частое дыхание выдавало нервозность и ожидание.

Тань Юньхан стоял на месте, слушая эти неуклюжие, лишённые всякого мастерства оправдания, слушая слова о том, как он пытался задобрить его «очень сладкими» фруктами.

Ледяная вязкость в груди словно приняла порцию теплого потока и начала медленно таять.

Так он примчался сюда не для того, чтобы продолжать разбираться с Чжао Линэр, а чтобы объяснить с ним?

И даже принес плоды в качестве извинения?

Странное, едва уловимое чувство облегчения вытеснило прежний холод.

Он по-прежнему не проронил ни слова, но медленно развернулся и подошел к двери.

Снаружи Линь Фэн затаил дыхание, сердце бешено колотилось, готовое вырваться из груди. Он не сводил глаз с плотно закрытой двери, а ладони, сжимавшие завернутые в чистые листья алые плоды, вспотели.

Скрип.

Раздался тихий звук, и дверь приоткрылась, явив узкую щель.

Дверь не распахнулась полностью, лишь настолько, чтобы показать половину лица и один холодный глаз.

Взгляд Тань Юньхана сначала упал на напряженное, почти бледное лицо, а затем медленно опустился на лежащие в руках юноши алые, прозрачные плоды, на которых еще блестели капли воды.

Он задержал взгляд на фруктах на несколько секунд.

Затем его глаз быстро, едва заметно моргнул, а длинные ресницы дрогнули, словно крылья бабочки.

Он протянул руку через щель и забрал сверток, который еще хранил тепло рук Линь Фэна.

Кончики пальцев неизбежно коснулись ладони Линь Фэна.

Тот вздрогнул, словно от удара током.

А затем из-за двери донеслось едва слышное, почти растворившееся в воздухе:

— М-м.

Сразу после этого дверь тихо захлопнулась, снова отделив его от внешнего мира.

Линь Фэн же, словно пораженный заклинанием, застыл на месте и долго не двигался.

То место на ладони, которого коснулись пальцы Тань Юньхана, жгло нестерпимым жаром.

Внутри комнаты Тань Юньхан прислонился к двери, глядя на ярко-красные плоды.

Он взял один, помедлил и осторожно надкусил.

Сладкий сок мгновенно наполнил рот, принес с собой мощную духовную энергию и невыразимое, неуклюжее тепло.

Действительно, очень сладко.

В голове 007 тихо и неуверенно пискнул:

— Это... это значит, что удалось задобрить?

Тань Юньхан не ответил.

Он просто медленно жевал плод, чувствуя, как странная сладость тает на языке.

<http://bllate.org/book/22471/2365253>